

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
30 June 2015
Russian
Original: English

Комитет против пыток

Сообщение № 542/2013

**Решение, принятое Комитетом на своей пятьдесят четвертой
сессии (20 апреля – 15 мая 2015 года)**

<i>Представлено:</i>	X (представлен адвокатом Ириной Соколовой)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Российская Федерация
<i>Дата сообщения:</i>	4 февраля 2013 года (первоначальное представление)
<i>Дата настоящего решения:</i>	8 мая 2015 года
<i>Тема сообщения:</i>	экстрадиция в Узбекистан
<i>Вопросы существа:</i>	угроза применения пыток по возвращении в страну происхождения
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; обоснованность жалобы
<i>Статьи Конвенции:</i>	статьи 3 и 22

Приложение

Решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пятьдесят четвертая сессия)

относительно

Сообщения № 542/2013* **

<i>Представлено:</i>	X (представлен адвокатом Ириной Соколовой)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Российская Федерация
<i>Дата сообщения:</i>	4 февраля 2013 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 8 мая 2015 года,

завершив рассмотрение жалобы № 542/2013, представленной Комитету X в соответствии со статьей 22 Конвенции,

приняв к сведению всю информацию, представленную ему заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее:

Решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1.1 Заявитель X является гражданином Узбекистана 1977 года рождения, который на момент первоначального представления находился под стражей в Российской Федерации и ожидал экстрадиции в Узбекистан. Он заявил, что его экстрадиция в Узбекистан будет представлять собой нарушение Российской Федерацией статьи 3 Конвенции. Он представлен адвокатом Ириной Соколовой.

1.2 В соответствии с правилом 114 своих правил процедуры Специальный докладчик по новым жалобам и временным мерам, действуя от имени Комитета, 8 апреля 2013 года обращался к государству-участнику с просьбой воздержаться от экстрадиции заявителя в Узбекистан пока его жалоба рассматривается Комитетом. Несмотря на это, заявитель был экстрадирован 14 июля 2013 года.

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: Саадия Бельмир, Алессио Бруни, Фелис Гаер, Абдулайе Гайе, Йенс Модвиг, Сапана Прадхан Малла, Георгий Тугуши, Кенин Чжан.

** Текст особого (несогласного) мнения члена Комитета Алессио Бруни прилагается к настоящему решению.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель является гражданином Узбекистана и уроженцем города Коканд Ферганской области. В 2001 году его жена, страдавшая психическим заболеванием, покончила самоубийством. Заявителю было предъявлено обвинение в доведении до самоубийства по статье 103 Уголовного кодекса Узбекистана, однако он утверждает, что расследование было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

2.2 В конце 2007 года по экономическим причинам заявитель решил переехать в Российскую Федерацию. С этой целью 7 декабря 2007 года он получил справку об отсутствии судимости в Кокандском ГОВД. Впоследствии он представил этот документ в Управление Федеральной миграционной службы по Нижегородской области при подаче заявления о выдаче разрешения на временное проживание в Российской Федерации. 4 января 2008 года в том же ГОВД он получил новый паспорт со штампом, позволяющим ему выезжать за пределы Узбекистана и Содружества Независимых Государств. 18 июля 2008 года заявитель получил в Нижнем Новгороде разрешение на проживание сроком на три года, которое было впоследствии продлено. Он несколько раз совершал поездки между Российской Федерацией и Узбекистаном и пересекал пункты пограничного контроля. В 2009 году он провел в Узбекистане шесть месяцев, а в 2010–2011 годах – полтора года.

2.3 В июле 2011 года заявитель отправился из Нижнего Новгорода в Казахстан, где был задержан его брат, который мог быть экстрадирован в Узбекистан по обвинениям в терроризме, религиозном экстремизме и участии в событиях в Андижане в 2005 году. В августе 2011 года он представил Комитету жалобу от имени своего брата с просьбой о принятии временных мер. В июле 2012 года брат заявителя был освобожден из-под стражи в Казахстане, переправлен к российской границе и возвращен в Нижний Новгород, где он проживал ранее¹. 24 августа 2012 года заявитель был задержан в Нижнем Новгороде по запросу Кокандского ГОВД (Узбекистан). В запросе указывается, что 25 апреля 2002 года заявитель был приговорен Ферганским городским судом по уголовным делам к семи годам тюремного заключения за доведение до самоубийства, а 26 апреля 2012 года он был объявлен в розыск Кокандским ГОВД (т.е. тем же органом, который в 2007 году выдал заявителю справку о несудимости, а в 2008 году – новый паспорт).

2.4 27 августа 2012 года заявитель подал прошение о предоставлении убежища в Управление Федеральной миграционной службы по Нижегородской области. Он утверждал, что его преследование в Узбекистане мотивировано подачей им жалобы в Комитет от имени его брата и его связями с его братом, а не уголовным делом, которое было закрыто в 2002 году. Он утверждал, что узбекские власти не предприняли каких-либо действий для его розыска в период с 2002 по 2012 год. 7 декабря 2012 года УФМС отклонило прошение заявителя, обосновав это тем, что заявитель разыскивается в Узбекистане за уклонение от исполнения наказания за уголовное преступление, а не на основании политически мотивированных обвинений. Федеральная миграционная служба указала также, что заявитель не представил доказательств своего утверждения о том, что он не совершал преступления, за которое был осужден, и что настоящей причиной подачи им прошения о предоставлении убежища является попытка уйти от уголовной ответственности в Узбекистане. 26 ноября 2012 года заявитель подал апелляцию в Сормовский районный суд. Помимо доводов, приводившихся в Федеральной миграционной службе, он заявил, что решение Ферганского суда от 25 апреля

¹ На момент представления в Российской Федерации по просьбе Узбекистана была возбуждена процедура экстрадиции в отношении брата заявителя.

2002 года было проведено задним числом, является незаконным и безосновательным; что оно сформулировано очень кратко, не содержит доказательств его вины и имен свидетелей, показания которых послужили основанием для этого решения; и что срок давности исполнения решения от 25 апреля 2002 года истек в соответствии с узбекским и российским законодательством².

2.5 Его апелляция была отклонена 18 января 2013 года. Суд указал, что, среди прочего, заявитель не доказал связь между преследованием его брата и его собственным преследованием и что, следовательно, его довод о том, что он будет преследоваться узбекскими властями за связь с лицом, обвиненным в преступлениях политического характера, не может быть принят во внимание. Что касается заявления о том, что его преследование было связано с подачей им жалобы Комитету от имени его брата, то суд указал, что заявитель не приводил этот довод в своем прошении о предоставлении убежища от 19 сентября 2012 года. 15 февраля 2013 года заявитель обжаловал это решение Сормовского районного суда в Нижегородском областном суде. Он сослался на международные доклады, подтверждающие широкое и систематическое применение в Узбекистане пыток в отношении лиц, подвергающихся преследованию за свои политические и религиозные убеждения³. Заявитель указал также на ненадежность заверений узбекских властей⁴. Эта апелляция была отклонена 10 апреля 2013 года.

2.6 11 января 2013 года заявитель подал в Управление Федеральной миграционной службы по Нижегородской области прошение о предоставлении временного убежища на гуманитарных основаниях. Оно было отклонено 23 января 2013 года на основаниях, аналогичных тем, которые были указаны в решении Федеральной службы в отношении заявления о предоставлении убежища. ФМС сослалась также на гарантии, предоставленные Генеральной прокуратурой Узбекистана относительно того, что заявитель не будет преследоваться по политическим причинам или по признаку расы, вероисповедания, гражданства или политических убеждений; что он не будет подвергаться пыткам, жестокому или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению; и что ему будут предоставлены средства защиты, в том числе юридическая помощь. ФМС установила отсутствие доказательств того, что заявитель будет преследоваться в Узбекистане

² Адвокат ссылается на пункт 1 статьи 69 Уголовного кодекса Узбекистана, в соответствии с которым осужденный освобождается от наказания, если приговор, предусматривающий лишение свободы на срок не более 10 лет, не был приведен в исполнение в течение 10 лет; и на пункт 1 статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации, в котором предусматривается освобождение от уголовной ответственности по истечении шести лет после совершения преступления средней тяжести.

³ Ссылка делается, среди прочего, на доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания (см. E/CN.4/2003/68/Add.2, пункты 66 и 68) и доклад Специального докладчика о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания (см. A/HRC/13/39/Add.6, пункты 94–98); доклад организации «Международная амнистия» о применении смертной казни в Узбекистане (2003 год) (размещен по адресу http://amnesty.org.ru/sites/default/files/2003_Uzb_report_dp.pdf, только на русском языке); резолюцию 60/174 Генеральной Ассамблеи о положении в области прав человека в Узбекистане; доклад Генерального секретаря о положении в области прав человека в Узбекистане (A/61/526); заключительные замечания Комитета по третьему периодическому докладу Узбекистана (см. CAT/C/UZB/CO/3, пункты 6 и 16); и постановление Европейского суда по правам человека от 24 апреля 2008 года по делу *Исмоилов и др. против России*, заявление № 2947/06, пункты 120–123.

⁴ Была дана ссылка на промежуточный доклад Специального докладчика Комиссии по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания (см. A/60/316, пункты 30–32, 51 и 52); и постановление Европейского суда по правам человека по делу *Исмоилов и др. против России*, пункты 126–128.

по причинам, которые могут стать основанием для предоставления ему убежища или временной защиты на гуманитарных основаниях. 18 февраля 2013 года заявитель подал апелляцию в Сормовский областной суд, который отклонил ее 15 марта 2013 года. 18 апреля 2013 года он обжаловал это решение в Нижегородском областном суде, однако его апелляция была отклонена 20 августа 2013 года.

2.7 Тем временем 18 сентября 2012 года Генеральная прокуратура Узбекистана направила запрос с Генеральную прокуратуру Российской Федерации об экстрадиции заявителя. 19 октября 2012 года заявитель был вызван на беседу с прокурором Канавинского района Нижнего Новгорода, в ходе которой он разъяснил, что его преследование узбекскими властями является политически мотивированным и что они хотят наказать его за подачу заявления в Комитет от имени его брата, который разыскивается узбекскими властями за то, что якобы был связан с событиями в Андижане в 2005 году. Он также заявил, что уголовное дело, возбужденное в отношении него в связи с самоубийством его жены, было закрыто в 2002 году и что он продолжал проживать в Узбекистане по тому же адресу до своего выезда в Российскую Федерацию в 2008 году. Он также заявил, что решение Ферганского суда от 25 апреля 2002 года было принято задним числом и является безосновательным.

2.8 12 ноября 2012 года адвокат заявителя представила в письменном виде в Генеральную прокуратуру Российской Федерации свои аргументы против экстрадиции заявителя. 15 января 2013 года Генеральная прокуратура Российской Федерации приняла решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан, не дожидаясь результатов процедуры предоставления убежища. 30 января 2013 года заявитель обжаловал решение об экстрадиции в Нижегородский областной суд, который отклонил его жалобу 26 февраля 2013 года. В ответ на аргумент заявителя о том, что срок давности исполнения приговора Ферганского городского суда от 25 апреля 2002 года истек, суд указал, что согласно информации, представленной узбекскими властями, розыск заявителя, начатый 25 апреля 2002 года, был прекращен 22 июня 2007 года, когда труп некоего лица был по ошибке опознан как тело заявителя. Розыск был вновь начат 26 апреля 2012 года. Следовательно, срок давности, ограничивающий приведение в исполнение приговора, не истек. Суд не ответил на довод заявителя о том, что он проживал по своему обычному адресу в Узбекистане с 2002 по 2008 год и регулярно пересекал границу между Российской Федерацией и Узбекистаном. Что касается довода о том, что его преследование является политически мотивированным и что в случае экстрадиции ему грозят пытки, то суд указал на отсутствие доказательств о возможном преследовании по политическим или религиозным причинам и каких-либо оснований сомневаться в достоверности документов, представленных узбекскими властями. Суд также обосновал свое решение дипломатическими заверениями в отказе от преследования, которые Генеральная прокуратура Узбекистана представила в своем запросе об экстрадиции. 3 марта 2013 года заявитель обжаловал это решение Нижегородского областного суда в Верховном суде. Апелляция была отклонена 4 июня 2013 года.

Жалоба

3. Заявитель утверждает, что в случае его экстрадиции в Узбекистан он будет подвергнут угрозе преследования и применения пыток ввиду связей его семьи с его братом, который преследуется в Узбекистане за преступление политического и религиозного характера, а также ввиду того, что заявитель направил в Комитет письма от имени своего брата. Он утверждает, что подача жалобы в отношении Узбекистана в международные органы рассматривается как несогласие с официальной политикой государства и что авторы таких жалоб подвергаются угрозе

несправедливого уголовного преследования и применения пыток⁵. Таким образом, по его словам, его экстрадиция будет представлять собой нарушение его прав согласно статье 3 Конвенции.

Замечания государства-участника

4.1 В вербальной ноте от 19 июля 2013 года государство-участник оспорило приемлемость сообщения. Государство-участник отмечает, что заявитель не исчерпал все доступные внутренние средства правовой защиты по основному существенному аспекту его жалобы – решению об экстрадиции Генеральной прокуратуры от 15 января 2013 года. 4 марта 2013 года заявитель обжаловал решение об экстрадиции в Верховном суде. По состоянию на 1 июня 2013 года Верховный суд не вынес решения по данной апелляции. Что касается процедуры предоставления убежища заявителю, то государство-участник разъясняет, что эта часть жалобы выходит за рамки статьи 3 Конвенции и является неприемлемой.

4.2 19 августа 2013 года государство-участник представило свои замечания по существу и проинформировало Комитет о том, что заявитель был экстрадирован 14 июля 2013 года после того, как решение Генеральной прокуратуры об экстрадиции стало окончательным. Согласно информации государства-участника, запрос на экстрадицию от узбекских властей был связан с уголовным преступлением, совершенным заявителем в Узбекистане, а не с преступлениями политического свойства. Заявитель не представил надлежащих аргументов, демонстрирующих, что ему будет угрожать опасность применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания или что он будет преследоваться узбекскими властями по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или на основании политических убеждений. Государство-участник заявляет, что просьба Комитета о принятии временных мер не является обязательной к исполнению и что основания для ее исполнения отсутствуют, так как проверка запроса об экстрадиции не выявила каких-либо объективных свидетельств угрозы применения пыток в случае экстрадиции заявителя в Узбекистан. Кроме того, представленные узбекскими властями гарантии являются достаточными для того, чтобы предотвратить эту угрозу.

Комментарии заявителя

5.1 24 сентября 2013 года адвокат проинформировал Комитет о том, что заявитель после своей экстрадиции был помещен под стражу в изолятор предварительного заключения в Фергане. Его родственники и адвокаты не имеют к нему доступа и не получают никакой информации о нем. Адвокат утверждает, что отсутствие информации о заявителе и возможности общения с ним дает основания полагать, что он был подвергнут пыткам и что узбекские власти не выполнили гарантии, предоставленные российским властям.

5.2 Что касается довода государства-участника об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то адвокат заявляет, что окончательное решение по процедуре экстрадиции было принято Верховным судом 4 июня 2013 года и что заявитель был экстрадирован 14 июля 2013 года. Что касается процедуры предоставления заявителю убежища, то адвокат утверждает, что эта процедура является

---

⁵ Ссылка дается, среди прочего, на Всемирный доклад 2013 года организации «Хьюман райтс уотч» (размещен по адресу www.hrw.org/world-report/2013/country-chapters/uzbekistan) и на доклад организации «Международная амнистия» «Права человека в современном мире» (2012 года) (размещен по адресу www.amnestyusa.org/sites/default/files/air12-report-english.pdf), стр. 361–363 англ. текста.

ся частью процесса, инициированного с целью предотвратить экстрадицию, и не является отдельным заявлением Комитету.

5.3 Комментируя замечания государства-участника по существу, адвокат указывает на то, что в ходе процедуры предоставления убежища и экстрадиции заявитель отметил, что у него с 2002 года отсутствовала уголовная судимость и он не преследовался в Узбекистане и указал на несоответствия в документах, представленных узбекскими властями. Тем не менее российские власти не учли эти соображения и утверждения заявителя об угрозе применения пыток в Узбекистане. Кроме того, государственные органы государства-участника не рассмотрели представленную заявителем информацию из международных источников, касающуюся широкомасштабного и систематического применения пыток в Узбекистане. Вместо этого они постоянно ссылались на гарантии, представленные узбекскими властями.

Дополнительная информация, представленная государством-участником

6.1 26 февраля 2014 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что согласно информации, полученной от Генеральной прокуратуры Узбекистана 24 января 2014 года, 30 августа 2013 года заявитель был освобожден из тюрьмы после отбытия своего наказания.

6.2 Государство-участник вновь привело свой аргумент о том, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты на момент представления жалобы Комитету. 30 января 2013 года заявитель подал апелляцию в Нижегородский областной суд на решение об экстрадиции от 15 января 2013 года, однако не представил информацию о результатах рассмотрения этой апелляции.

6.3 В ответ на утверждение адвоката о применении пыток в Узбекистане и утверждение заявителя о том, что ему угрожает применение пыток после экстрадиции, государство-участник заявляет, что для установления потенциальной угрозы применения пыток после экстрадиции заявитель должен представить доказательства того, что он принадлежит к группе, которая систематически подвергается пыткам. Заявитель утверждал, что угроза пыток в его случае обусловлена тем, что он направил жалобу Комитету, однако не смог представить доказательства систематического применения пыток к лицам, направлявшим свои жалобы Комитету.

Дополнительная информация, представленная заявителем

7.1 12 мая 2014 года адвокат заявителя усомнилась в достоверности представленной государством-участником информации об освобождении заявителя спустя такой короткий период времени, учитывая, что он был приговорен к семилетнему сроку лишения свободы. Она указала на то, что заявитель не связывался с ней или своими родственниками после предполагаемого освобождения. Она добавила, что, если бы заявитель был освобожден из-под стражи, он вернулся бы в Российскую Федерацию, где проживают его гражданская жена и брат. Адвокат утверждает, что сокрытие информации о судьбе заявителя и отсутствие связи с ним дают серьезные основания полагать, что в Узбекистане он был подвергнут пыткам. Кроме того, она утверждает, что, даже если он был освобожден, нет никаких гарантий, что ему не будут предъявлены новые сфабрикованные обвинения после того, как Комитет завершит рассмотрение его сообщения.

7.2 Что касается довода государства-участника о неисчерпании внутренних средств правовой защиты, то адвокат отмечает, что государство-участник, по всей вероятности, имеет возможность получить необходимую информацию от соответствующих органов. В любом случае все соответствующие документы бы-

ли представлены заявителем в его письмах Комитету от 19 марта 2013 года, 7 июня 2013 года и 9 октября 2013 года. Она отмечает также, что ни заявителю, ни его адвокату так и не сообщили о решении Верховного суда от 4 июня 2013 года, и заявитель был экстрадирован до того, как это решение было опубликовано на веб-сайте Верховного суда. По словам адвоката, какие-либо другие эффективные внутренние средства правовой защиты, способные предотвратить экстрадицию заявителя, отсутствовали. Он был подвергнут экстрадиции даже до завершения внутренних процедур рассмотрения его прошения о предоставлении убежища, несмотря на то, что в соответствии со статьей 12 Закона о беженцах Российской Федерации лицо, получившее убежище в Российской Федерации, не может быть возвращено против его воли на территорию государства своего гражданства.

7.3 В отношении замечаний государства-участника об отсутствии обоснования угрозы применения пыток в отношении заявителя в Узбекистане адвокат утверждает, что доказать применение пыток в будущем невозможно. Достаточно установить высокую вероятность такой угрозы. Уровень этой угрозы зависит от общей ситуации с правами человека в стране, наличия широкомасштабного применения пыток в отношении определенных групп граждан и принадлежности конкретного лица к таким группам; кроме того, адвокат вновь подтверждает свои предыдущие доводы.

Дополнительная информация, представленная государством-участником

8.1 2 октября 2014 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что 30 августа 2013 года Ферганский городской суд сократил приговор заявителю с семи лет тюремного заключения до девяти месяцев и семи дней на основании законов об общей амнистии, принятых в период с 2002 по 2007 год, и зачел время, проведенное им под стражей в ожидании экстрадиции в Российской Федерации, в счет исполнения его приговора.

8.2 Государство-участник подтвердило свою позицию относительно необоснованности жалобы заявителя и ее неприемлемости.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Невыполнение государством-участником обязательства о сотрудничестве и просьбы Комитета о принятии временных мер в соответствии с правилом 114 его правил процедуры

9.1 Комитет отмечает, что принятие временных мер во исполнение правила 114 правил процедуры в соответствии со статьей 22 Конвенции имеет важнейшее значение с точки зрения той роли, которая возложена на Комитет на основании этой статьи. Несоблюдение этого положения, в частности в результате совершения непоправимого действия, каковым стала экстрадиция предполагаемой жертвы, ставит под угрозу провозглашенные в Конвенции права⁶.

9.2 Комитет отмечает, что любое государство-участник, которое сделало заявление в соответствии со статьей 22 (1) Конвенции, признает компетенцию Комитета против пыток получать и рассматривать сообщения отдельных лиц, считающих себя жертвами нарушений положений Конвенции. Сделав это заявление, государства-участники имплицитно обязуются добросовестно сотрудничать с Комитетом, обеспечивая ему возможность рассматривать представленные ему сообщения, и после их рассмотрения направлять свои мнения государству-участнику и заявителю. Не выполнив просьбу о принятии временных мер,

⁶ См. сообщение № 444/2010, *Абдуссаматов и др. против Казахстана*, решение о приемлемости от 15 ноября 2011 года, пункты 10.1 и 10.2.

направленную ему 8 апреля 2013 года, государство-участник грубо нарушило обязательство по статье 22 Конвенции, поскольку оно воспрепятствовало надлежащему рассмотрению Комитетом жалобы на нарушение Конвенции, в результате чего усилия Комитета оказались тщетными, а его заключения потеряли всякий смысл.

Рассмотрение вопроса о приемлемости

10.1 Перед рассмотрением любой жалобы, содержащейся в том или ином сообщении, Комитет против пыток должен решить, является ли оно приемлемым согласно статье 22 Конвенции. Комитет убедился, как это предписывает пункта 5 а) статьи 22 Конвенции, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

10.2 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никакие сообщения от отдельного лица, если не убедится в том, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Комитет отмечает, что в данном случае государство-участник утверждает, что заявитель не исчерпал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты в отношении решения об экстрадиции, принятого Генеральной прокуратурой 15 января 2013 года. Комитет отмечает, что в своем представлении от 19 марта 2013 года заявитель предоставил текст решения по апелляции в Нижегородском областном суде от 26 февраля 2013 года; 4 июня 2013 года адвокат заявителя проинформировал Комитет об отклонении его апелляции Верховным судом; и 24 сентября 2013 года адвокат представил текст решения Верховного суда. Комитет отмечает также, что государство-участник не указало, какие дополнительные внутренние средства правовой защиты должны быть исчерпаны и могли бы эффективно предотвратить экстрадицию заявителя. Следовательно, по мнению Комитета, на момент рассмотрения настоящего сообщения все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны и в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 отсутствует основание, препятствующее рассмотрению настоящего сообщения.

10.3 Комитет не видит других препятствий для приемлемости сообщения и объявляет его приемлемым, поскольку оно затрагивает вопросы, предусмотренные в статье 3 Конвенции, и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

11.1 На основании пункта 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, сообщенной ему сторонами.

11.2 Комитет должен решить, является ли принудительная экстрадиция заявителя в Узбекистан нарушением обязательств государства-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не высылать или возвращать («refouler») лицо в другое государство при наличии существенных оснований считать, что оно окажется под угрозой применения пыток. Комитет принимает решение по этому вопросу в свете информации, которую власти государства-участника имели или должны были иметь в своем распоряжении на момент экстрадиции. Последующие события полезны для оценки информации, которую государство-участник фактически имело или должно было иметь в своем распоряжении на момент экстрадиции.

11.3 При оценке того, была ли экстрадиция заявителя в Узбекистан нарушением обязательств государства-участника в соответствии со статьей 3 Конвенции, Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, включая существование практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав челове-

ка. Комитет вновь отмечает, что существование практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в стране само по себе не является достаточным основанием для решения о том, что данное конкретное лицо будет находиться под угрозой пыток по возвращении в эту страну; к этому необходимо присовокупить дополнительные основания, свидетельствующие о существовании риска подвергнуться пыткам именно для данного конкретного лица. Аналогичным образом отсутствие практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что данное конкретное лицо не может подвергнуться пыткам в конкретных обстоятельствах его дела.

11.4 Комитет напоминает, что в своем замечании общего порядка № 1 (1996) об осуществлении статьи 3 в контексте статьи 22 Конвенции он отметил, что «при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений». Вместе с тем при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности, но опасность должна угрожать заявителю лично и быть реальной (пункт 6). В этой связи в своих предыдущих решениях Комитет постановил, что риск применения пыток должен быть предсказуемым, реальным и личным.

11.5 Что касается существования постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, то Комитет ссылается на свои заключительные замечания по третьему периодическому докладу Узбекистана, в которых он выразил обеспокоенность в связи с поступающими многочисленными и согласующимися друг с другом утверждениями о том, что пытки и жестокое обращение постоянно используются сотрудниками правоохранительных и следственных органов или при их подстрекательстве или с их согласия, а также в связи с тем, что лица, пытавшиеся найти убежище за границей и возвращенные в страну, содержатся в заключении в неизвестных местах и, возможно, подвергаются актам, представляющим собой нарушение Конвенции (см. CAT/C/UZB/CO/3, пункты 6 и 9).

11.6 Комитет принимает к сведению утверждение заявителя, которое подтверждается заслуживающими доверия международными докладами, о том, что применение пыток и жестокого обращения в Узбекистане носит систематический характер, особенно в отношении лиц, политические убеждения которых отличаются от официальной политики государства, и то, что подача жалобы Комитету от имени его брата могла быть воспринята узбекскими властями как протест против официальной государственной политики, что подвергло заявителя личной угрозе преследования и применения пыток. Комитет также принимает к сведению замечания государства-участника о том, что запрос об экстрадиции заявителя обосновывается наличием уголовного приговора, не связанного с политическими мотивами, и что заявитель не привел достаточных доказательств того, что ему будет угрожать применение пыток из-за принадлежности к конкретной группе. Комитет также принимает к сведению утверждение, сделанное органами государства-участника в ходе рассмотрения заявления о предоставлении убежища и запроса об экстрадиции, о том, что мотивом ходатайства о предоставлении убежища является стремление заявителя уйти от исполнения приговора за уголовное преступление, совершенное в Узбекистане, и о том, что они полагаются на дипломатические заверения, предоставленные узбекскими властями в отношении того, что заявитель не будет подвергнут преследованию или пыткам в случае его возвращения.

11.7 Комитет также принимает к сведению утверждение заявителя о том, что уголовное дело, возбужденное против него в Узбекистане, было закрыто в 2002 году за отсутствием состава преступления несмотря на то, что это утвер-

ждение не подтверждается какими-либо документами. Вместе с тем Комитет отмечает, что розыск заявителя был начат узбекскими властями лишь 26 апреля 2012 года, т.е. по прошествии 10 лет после того, как постановление Ферганского городского суда предположительно вступило в силу, и что государство-участник не смогло разъяснить причины такой задержки в направлении запроса.

11.8 Комитет напоминает, что, согласно своему замечанию общего порядка № 1, он будет в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника, но что при этом Комитет не связан такими заключениями и в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу⁷. В данном случае Комитет отмечает, что узбекские власти направили запрос об экстрадиции спустя 10 лет после того, как приговор заявителю стал окончательным и обязательным к исполнению, причем в течение этого периода заявитель свободно проживал в Узбекистане, получил справку об отсутствии судимости, паспорт и выездную визу и совершил ряд беспрепятственных поездок в Российскую Федерацию. Он отмечает также, что, согласно имеющимся фактам, запрос на экстрадицию был направлен непосредственно после того, как заявитель подал жалобу в Комитет по поводу экстрадиции его брата в Узбекистан, что в свете существования постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в этой стране дает достаточные основания полагать, что после его экстрадиции заявителю угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность применения пыток. Комитет считает, что в этих обстоятельствах государственные органы и суды государства-участника были обязаны надлежащим образом проверить все утверждения заявителя и оценить на основании национальных и международных норм потенциальную опасность применения пыток к заявителю. На основании имеющихся в деле материалов нельзя сделать вывод о том, что государственные органы, включая суды, провели надлежащую работу, чтобы отреагировать на выраженную заявителем обеспокоенность, связанную с запросом на экстрадицию с истекшим сроком давности, и дать оценку его личным обстоятельствам в контексте общей ситуации с правами человека в Узбекистане. В свете вышесказанного Комитет считает, что государственные органы государства-участника не выполнили свое обязательство надлежащим образом рассмотреть утверждение заявителя о том, что ему угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность применения пыток после возвращения в Узбекистан. В силу этого Комитет заключает, что с учетом обстоятельств данного дела решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан является нарушением государством-участником своих обязательств в соответствии со статьей 3 Конвенции.

11.9 Что касается ссылки на то, что получение дипломатических заверений от Узбекистана рассматривается государством-участником как достаточная гарантия защиты от явной опасности, то Комитет напоминает, что такие заверения не могут быть использованы в качестве инструмента, позволяющего избежать соблюдения принципа недопустимости принудительного возвращения. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник не привело достаточно конкретной информации о том, осуществляет ли оно мониторинг ситуации после выдворения и предприняло ли оно какие-либо меры для обеспечения того, чтобы мониторинг носил объективный, беспристрастный и достаточно достоверный характер.

12. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 3 и 22 Конвенции.

⁷ Замечание общего порядка № 1 и, в частности, сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, решение, принятое 6 мая 2010 года.

13. В соответствии с пунктом 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет настоятельно призывает государство-участник предоставить заявителю возмещение, включая возвращение заявителя в Российскую Федерацию и надлежащую компенсацию. В течение 90 дней Комитет хотел бы получить информацию о мерах, принятых государством-участником в ответ на настоящие Соображения.

Приложение

Особое (несогласное) мнение члена Комитета г-на Алессيو Бруни

1. В пункте 12 рекомендации по настоящему делу указывается: «Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 3 и 22 Конвенции».

2. По моему мнению, следующая формулировка решения лучше отражала бы фактическую сторону настоящего дела:

Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении статьи 3 Конвенции.

Кроме того, Комитет хотел бы напомнить, что 8 апреля 2013 года он просил государство-участник не выдавать заявителя Узбекистану до тех пор, пока его жалоба находится на рассмотрении Комитета, в соответствии с правилом 114 его правил процедуры. Тем не менее 14 июля 2013 года заявитель был подвергнут экстрадиции.

Невыполнение государством-участником просьбы Комитета существенно подорвало эффективность рассмотрения Комитетом настоящего дела и вызвало серьезные сомнения в готовности государства-участника добросовестно выполнять положения статьи 22 Конвенции.

3. Я полагаю, что в любом случае Комитету следовало заранее проинформировать государство-участник о том, что в случае невыполнения просьбы Комитета о временных мерах Комитет может расценить его как нарушение статьи 22 Конвенции. Государство-участник не может нести ответственность за нарушение Конвенции, не будучи проинформированным о соображениях Комитета относительно последствий невыполнения государством-участником правил процедуры Комитета.